

Сабанов Олег

Исповедь

обвиняемого

18+

Олег Александрович Сабанов

Исповедь обвиняемого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68816397

SelfPub; 2023

Аннотация

Любое написанное произведение возводит создавшего его автора в ранг творца, однако далеко не всякий писатель способен соответствовать столь высокому званию.

Олег Сабанов

Исповедь обвиняемого

Я выдающийся писатель, может быть, даже гениальный. Меня коснулась та сила вселенной, которая позволяет без особого труда творить шедевры. Если вы по какой-либо причине до сих пор уверены в том, что создать бессмертное произведение невозможно без кропотливой огранки данного Богом таланта с напряжением интеллектуальных и духовных сил, то чудовищно заблуждаетесь.

Со школьной скамьи я смутно чувствовал себя избранником, которому в будущем суждено перенести на бумагу, холст или кинолентку свои прекрасные творения и потому тянулся к уже созданному в мире искусства. Более всего меня завораживал кладезь мудрости, таившийся в литературных произведениях, хотя художественным фильмам, непревзойденным образцам живописи и музыке самых разных направлений с моей стороны также уделялось должное внимание. Как и миллионы прочих мальчишек я буквально проглатывал приключенческие книги про кровожадных пиратов, благородных рыцарей, гордых индейцах, восставших рабах, воочию представляя жестокие схватки, турниры, поединки и битвы, восторгаясь отвагой героев былых времен и испытывая при этом ни с чем не сравнимое чувство воодушевле-

ния их доблестью. Надо признаться, мне ой как не хватало качеств, присущих персонажам любимых книг, а дети, как известно, существа злые, к тому же тонко чувствующие слабость и трусость своих сверстников, отчего я в полной мере испытал на собственной шкуре их звериную натуру.

Некоторые ребята просто задирали меня, ограничиваясь обидными словами, легкими щелбанами, толчками вполсилы и прочими мелкими пакостями, которые, правда, здорово уязвляли мою подростковую душу. Однако были те, кому издевательство над более слабым, видимо, доставляло особое удовольствие, и они изо дня в день повторяли свои садистские упражнения с особым усердием, постоянно их совершенствуя. Именно тогда я стал открывать для себя загадочные миры мрачного, городского и героического фэнтези, где разного рода истязатели, срисованные со средневековых инквизиторов, мурча от наслаждения пытали в сырых подземельях ни в чем неповинных людей страшными орудиями, стараясь вырвать у них нужные сведения и заставить плясать под дудку злодеев. Невольно сравнивая школьных зверенышей с книжными палачами, мне было довольно сложно найти между ними существенную разницу. Мало того – я постепенно склонялся к мысли, что окажись мои мучители в шкуре выдуманных истязателей с их широкими полномочиями и пыточными механизмами, ремесло доставлять нестерпимые страдания своим жертвам вышло бы на новый уровень.

Окончательно же полюбился мне жанр фэнтези из-за обя-

зательного присутствия в нем светлого или не очень образа героя, с переменным успехом изничтожающего таких вот изуверов вместе с их темными хозяевами. К тому же новые волшебные миры кипели яркой, наполненной борьбой жизнью со всеми ее хитросплетениями и страстями. Если это была и сказка, то много глубже, интереснее и захватывающее тех, которые мы читали в детстве, вдобавок без навязываемой финальной морали.

Продолжавшие бороться с многочисленными проявлениями зла в самых, казалось бы, отчаянных обстоятельствах персонажи произведений вселяли веру в неизбежную победу добра и вселенскую справедливость. Я мысленно представлял себя в их шкуре, а на роли коварных душегубцев определял своих реальных недругов. Конечно, в фэнтезийных мирах многое решала магическая сила, об обладании которой мне приходилось лишь мечтать, но все равно я каким-то мистическим образом чувствовал себя в одной команде с героями, которые рано или поздно призовут к ответу моих обидчиков и отомстят за пережитое унижение.

В старших классах давление на меня заметно снизилось, полностью перейдя в область обидных подшучиваний или демонстративного игнорирования. Те, от кого я ранее в любой момент ожидал смачного пинка, теперь презрительно называли меня «книжным ботаником», «чмом» или «лохом». Слышать подобное нестерпимее всего было тогда, когда рядом находились одноклассницы и все прочие девочки

из родной, но жутко ненавидимой школы. В сущности, половое созревание неимоверно усилило интенсивность переносимых страданий, несмотря на значительное падение интереса к моей персоне со стороны мучителей.

Окончив среднюю школу, я успешно поступил в технический вуз, и только став студентом, начал потихоньку привыкать к отсутствию ядовитого негатива со стороны сверстников. Честно говоря, первое время мне даже было не по себе. В привыкшей к постоянному напряжению душе образовались пустоты, отзывающиеся чувством полета и эйфории, но иногда, наоборот, требующие заполнить себя привычным стрессовым состоянием. Временами мне нестерпимо хотелось кого-либо ненавидеть, что выражалось немотивированными вспышками злобы, которые я как мог скрывал или, будучи наедине с собой, отыгрывался на неодушевленных предметах, опрокидывая и ломая все попадающееся под руку.

Книги фэнтези сделались к тому времени единственным моим страстным увлечением, только их традиционному бумажному варианту я все больше предпочитал звуковой из-за прогрессирующей близорукости. Проблема была только в том, что лишь малая толика вышедшего из печати приобретало формат аудио. Мне приходилось прочесывать просторы интернета в поисках платных и бесплатных ресурсов с библиотеками аудиокниг, большинство из которых просто дублировали друг друга.

Иногда в общественном транспорте или на скучной лекции я сам в уме складывал небольшие фэнтезийные истории, хотя считал их далеким от совершенства в художественном плане. У меня была идея записать их и запрятать в какую-нибудь скрытую папку ноутбука, но лень и откровенная, по моему мнению, бессмысленность данной затеи похоронили ее еще в утробе.

В один из темных дождливых вечеров конца октября, когда свет уличных фонарей за моим окном серебром отражался на мокром асфальте, я лежал в своей комнате на диване и изучал только что найденный простенький черно-белый сайт с аудиокнигами для свободного прослушивания. Когда мне после нехитрых манипуляций удалось найти раздел фэнтези и войти в него, я на некоторое время потерял ощущение реальности. Серые колечки потолочных обоев, на которые упал взгляд моих расширившихся глаз, казалось, принялись менять цвет, форму и закружились в нестройном хороводе. Взяв себя в руки и повторно, на этот раз предельно внимательно всмотревшись в интернет-страницу, я обнаружил свою фамилию, имя и названия всех пяти рассказов, которые в единственных экземплярах пылились на одной из полок моей головы! Точнее, как таковых названий не было, потому что я сам не утруждал себя их созданием, зато красовались имена пяти главных персонажей каждой из историй. Светлые дорожки файлов для прослушивания на темной интернет-странице располагались столбцом, и я, недол-

го думая, активировал верхнюю из них.

Через пару секунд послышались будто издалека и стали плавно нарастать красивые струнные переборы, напоминавшие о чем-то давно ушедшем, но все же вечном. Десятисекундная музыкальная заставка завершилась краткой партией вступившего духового инструмента.

«Гай Гудьер», – произнес приятный мужской баритон и мой рассказ зазвучал в форме радиопостановки с голосами невидимых актеров и выступающим от лица автора повествования ведущим. Завывание ветра, топот копыт, раскаты грома, удаляющиеся шаги, крики птиц и прочие шумовые эффекты усиливали остроту восприятия. Сама история, уложившаяся в один час звучания, рисовала картину средневекового города, подвергшегося набегу дьявольских существ, умевших подавлять волю. Единственным, на кого не действовали их злые чары, оказался кровельщик Гай Гудьер, наделенный с рождения волшебной силой. При помощи проведенного древним старцем обряда она многократно возрастает. Вскоре кровельщик Гудьер заряжает этой силой окружающих и вместе с восставшими горожанами уничтожает захватчиков.

После последнего слова повествования вновь послышались красивые струнные переборы, чуть позже сменившиеся воинственными звуками горна и барабанов.

Пока из динамиков ноутбука звучала музыка, я сидел на диване ошарашенный не столько фактом, если можно

так выразиться, материализации блестящей радиопостановки моего придуманного, но ненаписанного рассказа, сколько тем, что история оказалась лучшим произведением из всего переслушанного и перечитанного мною за последнее время в жанре фэнтези. Однако главное потрясение случилось тогда, когда из затухающего музыкального финала внезапно возник звучный голос Гаяя Гудьера обращенный лично ко мне:

– Максим! Мы почитаем тебя за Бога, создавшего наш мир! Ты вырвал нас из лап небытия и поселил в своем маленьком шедевре! Слава Мастеру!

– Слава! Слава! – громко поддержала его многоголосая толпа.

– Но у нас есть одна великая просьба, – проникновенно продолжал кровельщик. – Восстанови справедливость там, у себя на Небесах! Отомсти своим обидчикам, ибо Богу недостойно быть жальче и трусливее своих созданий! Иначе и нам здесь жизнь будет не мила! Теперь моя волшебная сила – это твоя сила тоже, а она настолько могуча, что легко поразит всякого врага! Мы все верим в нашего Создателя!

Скопище горожан, среди которых, как я понял, были упомянутые мною в рассказе пекари, пивовары, сыроделы, плотники, бондари, кузнецы, каменщики, портные, башмачники, шорники, ювелиры и даже разбойники, громко вознесло хвалу своему смелому и решительному Создателю, и через несколько секунд звуковая дорожка файла подошла к концу.

Когда волна ошеломления начала спадать, я попробовал связаться с администрацией сайта, но успеха, конечно, не имел. Узнать «прописку» ресурса мне также не удалось – специальные онлайн-сервисы указывали сначала на Бермуды, в другой раз на Багамы, а потом просто «виси́ли».

Отложив ноутбук, я в нервном возбуждении какое-то время мерил шагами комнату и чуть не столкнулся с матерью, заботливо принесшей мне горячий чай с булочками. Однако после всего случившегося о еде не могло быть и речи, к тому же взбудораженность резко сменилась сильной слабостью с приступами зевоты. Мне нестерпимо захотелось лечь на диван, укрыться с головой пледом и забыться сном, что я тут же с превеликим удовольствием сделал.

Глубокий ночной сон меня будто бы преобразил, во всяком случае я вынырнул из него человеком, с совсем иным, чем прежде, мироощущением. Первым делом я полез в ноутбук и спокойно, без дрожи в руках убедился в существовании сайта с аудиофайлами моих рассказов. Подобная невозмутимость, совсем мне не свойственная, уже говорила о многом. Подтвердившаяся реальность невероятных событий прошлого вечера волей-неволей вознесла меня в ранг Творца и, как следствие, вселила гордость вместе с самоуважением. Именно в их отсутствии, как я сразу осознал, крылась главная беда всего моего прошлого существования, а не в физической слабости. Первое, что я испытал вслед за этим открытием – жуткий стыд за свою заячью трусость перед

обыкновенными хулиганами, недостойную не только Творца, но и любого мальчика.

В то хмурое утро, пропитанное прелым запахом опавших листьев, институтская аудитория ждала меня непривычно долго. Около восьми утра я, ежась от холода, сидел на лавочке во дворе Александра Гавриленко, или попросту Сашка, который, пожалуй, более остальных усердствовал в издательствах надо мной и прочими ребятами. Мне было доподлинно известно, что сразу после школы он подвизался помощником автослесаря в станцию техобслуживания нового городского района, куда добирался на подаренном папой ржавом корыте, которое белело на импровизированной стоянке между домов. Минут через пятнадцать Гавриленко, дымя сигаретой, вышел из подъезда и напрямик направился будить свой автомобиль, оправдав в целом мои расчеты.

– Привет, Сашок! – сказал я, подойдя к его загудевшей машине.

– Здорово! – ответил он, удивленно взирая на меня снизу вверх с водительского кресла. – Ты какими судьбами здесь?

– Подбросишь до нового района, если к себе на станцию едешь? – ответил я вопросом на вопрос. – По дороге поговорим.

– Прыгай, раз такое дело, – недоуменно пробурчал он, показывая кивком головы на пассажирское место справа от себя.

Только мы выехали со двора, как автомобиль стал по-

дергиваться при езде, выводя из себя водителя таким своим поведением, который сразу позабыл о моем существовании. Метров через триста нам пришлось встать у обочины. Я остался в машине, Сашок же выскочил, поднял крышку капота и, матерясь, начал копаться в двигателе. Вдруг, повинаясь силе тяготения, пластиковая дверца бардачка отворилась прямо на мои колени, будто изначально была неплотно прикрыта. Когда внутри подсвеченного авточуланчика, на самой поверхности каких-то коробочек, баллончиков и спутанных проводов я увидел черную рукоять охотничьего ножа в кожаном чехле, то сразу же вспомнил слова Гайя Гудьера: «Теперь моя волшебная сила – это твоя сила тоже, а она настолько могуча, что легко поразит всякого врага!». Уж кто-кто, а я доподлинно знал законы придуманного мною мира, где любое оружие, будь то нож, меч, копье или топор просто так на глаза не попадается. Мне же оставалось только поражаться способности созданных художником образов кардинально менять жизнь ему самому.

Холодным оружием я не владел совсем, хотя много о нем читал. Однако волшебная сила, которой я наделил Гайя Гудьера уже поселилась во мне, уничтожая въевшиеся годами страх с нерешительностью, а также высвобождая невероятные возможности, таланты и силы, скрытые в каждом человеке. Освободив блеснувшее металлом лезвие от чехла, я вышел из машины и без промедления обрушил на сторбившегося у горячего мотора Сашка град ударов, нанося оружием

возмездия колото-резаные раны по всей спине. Он вскрикнул, припав на секунду грудью к раскаленному железу, но тут же, кряхтя, отпрянул и повернулся лицом ко мне.

– Привет тебе от всех, кому ты попортил кровь, – спокойно произнес я, после чего вонзил лезвие ему в брюхо.

Мимо с шумом пролетали спешащие автомобили, чьим погруженным в свои собственные мысли водителям и пассажирам вряд ли был интересен стоявший у обочины тарантас с поднятой крышкой капота, как и двое колдующих под ней неудачников.

Сашок так и остался лежать спиной на двигателе подаренной отцом машины, а я без лишней суеты нырнул в близлежащий к проезжей части двор и выбросил обернутый промасленной тряпкой нож в мусорный контейнер, когда порядком углубился в жилой массив. Никаких следов крови на моей одежде не осталось и мне без труда удалось успеть в институт ко второй «паре».

Вечером я вновь зашел на страницу загадочного сайта аудиокниг с треками моих рассказов. В темном зеркале оконного стекла отражались подсвеченные экраном ноутбука очертания моего лица, а за ним, как и сутки назад, накрапывал холодный осенний дождь, отчего в комнате делалось только уютнее и теплее. Послушать аудиовersion следующего своего рассказа мне жутко хотелось сразу же по приходу с лекций домой, однако я решил растянуть удовольствие от предвкушения премьеры и перенес ее начало на более позд-

ние часы.

После активации звукового файла послышался рев штормового ветра, шум морских волн и крики чаек. «Максимиан Лаплас», – произнес чуть осипший мужественный голос, после чего опять в формате радиотеатра началось повествование об отважном мореходе, в чьи руки попала карта с расположением далекого острова, где по преданиям произрастали волшебные травы, способные исцелять от смертельных недугов. Движимый благородным порывом достичь таинственной земли и вернуться с бесценным грузом в трюмах, капитан Максимиан Лаплас идет наперекор штормам, проходит узкие опасные проливы, а также вступает в неравную схватку с морскими разбойниками. В итоге его усеянная пробоинами трехмачтовая каракка с целебными травами все же пристает к родному берегу, где ее встречает несметное количество людей. Однако сам израненный капитан берется под стражу прямо в порту, так как накануне экспедиции нарушает строгий закон королевства, убивая на дуэли знатную персону. В завершении радиопостановки автор повествования сообщает, что даже в темнице Максимиан Лаплас счастлив, так как смог осуществить свою мечту и подарить надежду тысячам больных земляков. С последними словами начинается звучать красивая струнная музыка, плавно переходящая в берущую за душу морскую балладу неизвестного мне автора.

Как и после первого прослушивания постановки своего

рассказа я был заворожен увлекательностью сюжета, красотой слога и самобытностью авторского стиля. Припомнившиеся мне в тот момент произведения, которыми я зачитывался, просто поблекли в сравнении с только что прозвучавшей небольшой историей. И опять же, когда звуковая дорожка приближалась к завершению, я услышал простуженный ледяными ветрами голос главного героя рассказа:

– Услышь меня, Создатель нашего мира! Взывает к тебе капитан Максимиан Лаплас! Я много лет заточен в темнице из-за своего непростительного поступка, вина моя безмерна! Но мне известны твои милосердие и мудрость, ибо тот, кто сотворил водную гладь, звезды, попутные ветра, рыб, птиц и чудовищ в глубинах иным быть не может! Ты знаешь сердце каждого человека, поэтому прекрасно понимаешь, как я страдаю без морских волн и тугих парусов! Поэтому прошу – яви чудо, освободи меня из неволи, а я обязуюсь всю оставшуюся жизнь славить Тебя и продолжать помогать людям! Знаю, для Создателя нет ничего невозможного!

На этом послании, точнее молитвенной просьбе ко мне, аудиофайл закончился, и я ощутил себя восседающим на божьем престоле вседержителем. С высоты райских небес мне и вправду была очевидна боль морского волка Лапласа, тем более изначально я хотел придумать другую, менее грустную судьбу своему персонажу, однако в суете дел позабыл о нем и перестал дорабатывать рассказ в уме. Что ж, если назвался груздем – полезай в кузов! Теперь мне надо было соот-

ветствовать высоким идеалам милосердия и мудрости! Поэтому перед сном, уже лежа в постели, я додумал историю Максимиана Лапласа таким образом, что он был освобожден из темницы по высочайшему эдикту за особые заслуги перед жителями королевства.

Довольный своей чуткостью к страданиям созданных воображением образов и отзывчивостью, так редко встречающуюся у прочих божеств, я уснул блаженным сном подуставшего Творца.

Следующим утром меня буквально распирало от ощущения беспричинной радости и неизведанного ранее чувства контроля над всем происходящим вокруг. Слушая утреннее радиошоу за завтраком, я не только легко отвечал на все загадки ведущих, но и каким-то непостижимым образом мог называть имена дозвонившихся в эфир слушателей еще до того, как они успевали представиться. Сидя в хвосте автобуса по дороге к институту мой взор безошибочно угадывал на какой из остановок выйдет тот или иной пассажир задолго до их приближения. В стенах самого учебного заведения я вдруг оказался чрезвычайно узнаваемым человеком, хотя раньше ходил невидимкой по его бесконечным коридорам. Мне протягивали руки абсолютно неизвестные студенты, в том числе со старших курсов, улыбались, заглядывая в глаза, проходящие мимо девушки. Даже наш вечно хмурый замдекана, завидев меня, неожиданно приветливо кивнул головой, словно своему доброму приятелю из преподавательского со-

става.

При конспектировании лекций создавалось впечатление, что с их материалом я уже был знаком. В один момент на третьей «паре» тараторящий лектор неожиданно замялся, однако мне не хотелось сбавлять темп и дожидаться, когда он вновь соберется с мыслями, поэтому я закончил его суждение шариковой ручкой в своей тетради самостоятельно. По дороге домой после занятий, мне казалось, будто отовсюду – с неба, деревьев, крыш домов, фонарных столбов на меня стекаются струйки энергии и я, переполняясь ими, сам становлюсь ее неиссякаемым источником. Ясность ума, острота мысли, феноменальная интуиция и, соответственно, проникновение в суть всякого обратившего на себя внимание события явно превзошли доступную даже самому гениальному смертному норму. К примеру, стоило мне прочесть несколько строк из первой же попавшейся под руку художественной книги в букинистическом магазине, куда я по привычке заглянул, как мне мистическим образом становился ясен общий замысел автора весьма внушительного по объему произведения.

Но несмотря на такую пронизательность саму ее причину я осознал только к концу дня, когда вдруг вспомнившаяся фраза из посредственного фэнтезийного сериала стала для меня настоящим откровением: «Существование богов напрямую зависит от веры людей, а их могущество возрастает с каждой обращенной к ним молитвой». Сам же я считал-

ся милосердным и мудрым Создателем у обитателей как минимум двух созданных миров, где меня, по всей видимости, славили денно и нощно! Если я волшебным образом преобразился от одной только силы кровельщика Гаяя Гудьера, которая так и осталась со мной, то возносимые хвалы благодарного Максимиана Лапласа вместе с теми, кому он помог избавиться от хворей с помощью добытых своим опасным походом снадобий, увеличили мое могущество многократно. Теперь, когда все встало на свои места, само собой испарилось некоторое недоумение по поводу чудесной трансформации моей сущности, и я окончательно расслабился в статусе божества на любимом диване.

Однако, как оказалось, богам покой тоже только снится. Вскоре мне захотелось узнать, есть ли какая нужда у персонажей трех оставшихся на сайте звуковых версий моих ненаписанных рассказов. В течение вечера и большую часть ночи я, с перерывами на приготовление чая, наслаждался их блестящими радиопостановками, в финале каждой из которых ее главный герой неизменно обращался ко мне с молитвенным прошением изменить волей Создателя какой-либо фрагмент в своей судьбе. Благородному разбойнику Титу Хаггарду каждую ночь во сне являлась убитая им в горячке хмельной охоты волчица, у которой осталось пятеро беззащитных новорожденных волчат. Аптекарь Гелиос Пуассон не мог простить себя за оплошность при смешивании порошков, в результате которой впал в летаргию иску-

санный бешеным псом сынишка башмачника. Старый скиталец Асконий Пирс, неожиданно повстречавший под занавес жизни своего отпрыска, о котором даже не подозревал, просто хотел протянуть еще несколько месяцев, чтобы увидеть правнука и умереть счастливым. Отзываясь на просьбы и без труда подправляя в уме собственные истории из-за желаний прослыть милосердным, я заметил, что неосознанно предвкушаю приток новых сил от благодарных жителей созданных моим воображением миров. Благородный разбойник Тит Хаггард перестал мучиться ночными кошмарами после того, как спас приговоренных к обезглавливанию крестьян. Аптекарю Гелиосу Пуассону удалось вывести сына башмачника из летаргии, которая, как выяснилось, случилась вовсе не от его снотворного зелья. Старый же скиталец Асконий Пирс прожил еще два самых счастливых года своей долгой кочевой жизни и скончался с именем правнука на устах.

Проспав не более трех часов после приятных хлопот по коррекции придуманных судеб, я тем не менее наутро чувствовал себя прекрасно. Струющийся поток энергий явно шел ко мне из всех пяти миров, отчего я даже потерял нужду подкрепляться пищей для нормальной жизнедеятельности, хотя продолжил без проблем наслаждаться ее вкусовыми качествами за завтраком, открывая неизведанные доселе тонкие оттенки и ароматы. Многое из того, что ранее казалось важным, типа намеченного ремонта квартиры, ежедневных

оздоровительных пробежек или покупки нового телефона, отошло на задний план и потеряло свою актуальность. Во-влеченность в рутину дней окончательно сменилась тягой к вечному, возвышенному и прекрасному. Для меня не составляло труда вспомнить все услышанное за последние дни от однокурсников, преподавателей, ведущих теле и радиопрограмм и сложить из подобного винегрета фраз большую, полную смыслов поэму уровня Золотого или Серебряного веков в безупречной стихотворной форме. Однако полная гармония все же отсутствовала хотя бы потому, что я не просто в наслаждении созерцал свое открывшееся совершенство, но все время желал еще большего, стремясь соответствовать раз за разом поднимающейся планке идеала. «Почему всемогущему согласно легенде Богу приспичило создавать наш мир, от которого проблем не оберешься? – время от времени задавался я вопросом. – Пребывающее вне времени и пространства высшее существо в принципе должно быть свободно от всяческих вздорных желаний и потребностей, так как уже самодостаточно и находится в абсолютной гармонии с самим собой. Если же у предвечного духа возникает стремление творить, он тут же превращается в Создателя, который в полной мере редко бывает доволен своим творением, что влечет за собой бесконечные попытки усовершенствовать созданное, а значит определенную дисгармонию».

Подобные размышления поначалу немало озадачивали и привносили толику внутреннего дискомфорта, но в конце

концов привели меня к выводу, что если для всякого творца не существует предела совершенству, то единственная возможная для него гармония заключена исключительно в акте созидания. Поэтому я решил направить свой фантастический потенциал на то, чтобы создавать, сочинять, выдумывать, конструируя огромный новый мир, а не тратить время и силы на бесплодные раздумья. Мне нужно было начинать работу над настоящей книгой – не рассказом или повестью, а объемным романом, способным вобрать в себя хотя бы малую часть моего фонтанирующего художественными замыслами, творческими идеями и яркими образами воображения. К тому же из своего нового состояния я, даже если бы старался, вряд ли набросал бы что-либо, кроме шедевра. И не столь важно, сколько людей его поймут и оценят, ведь нужен он прежде всего мне, а мудрое время раньше или позже расставит рукописи, которые, как известно, не горят, по подобающим им местам.

Окрыленный очевидной догадкой, я все же решил не форсировать события и направился в институт, отложив начало воплощения грандиозной задумки до вечера. На лекциях и между ними в моей голове уже складывались первые главы будущего произведения, которые, правда, тут же мысленно переписывались, уточнялись и дополнялись. Я временами выходил из себя, вслух чертыхался, говорил невпопад, путал имена одноклассников и этажи здания, но при всем том переполнялся счастьем художника, объятых родовыми схват-

ками созревшего в нем творения. Однако нас всех, счастливых, несчастных, богатых, здоровых больных, творцов и создателей подстерегает случай. Стремительно спускаясь по широкой парадной лестнице главного корпуса, я умудрился налететь на остановившуюся передо мной студентку, что было немудрено в моем состоянии.

– Осторожнее! Смотри куда летишь! – вскрикнула она, чуть не выронив из рук звонивший телефон.

Мне, по идее, следовало рассыпаться в сбивчивых извинениях и побежать дальше, но мельком взглянув на ее лицо с расширившимися от легкого испуга темными глазами, я впервые за долгое время по-настоящему растерялся.

– Привет, Оксана! Давненько не виделись, – сказал я чужим голосом, ощущая проступающую на щеках краску смущения.

Признаться, после произошедшего со мной за последние дни у меня была уверенность, что подобные казусы, свойственные прыщавым подросткам, но никак не вершителям судеб созданных миров, навсегда остались в прошлом. Однако привыкшая преподносить сюрпризы жизнь внесла свои коррективы в мои скороспелые выводы. Девочка из параллельного класса, которую я, будучи школьником, тайно и безнадежно обожал, самым неожиданным образом вновь взволновала мою кровь, в мгновение ока приземлив меня из заоблачных высот полета безудержной фантазии на одну с ней ступень широкой лестницы родной альма-матер.

– Какой ты до сих пор, Максимка, шустрый! Пора становиться более степенным! – смягчившись, пошутила она. – Домой уже спешишь?

Я ответил утвердительно и из вежливости поинтересовался, как ее дела. Закончив школу, мы поступили в один вуз, но на разные факультеты, однако в стенах института почти не виделись. Оксана обтекаемо дала понять, что живет веселой и насыщенной жизнью, а вот когда принялась перечислять наших общих школьных знакомых, на подробности не поскупилась. Вскоре мне пришлось пропускать через себя абсолютно не нужную информацию о том, кто куда уехал, с кем живет, где учится, работает, тусуется и какими авиакомпаниями летает загорать. Я уже собирался ненавязчиво перевести разговор на какую-нибудь отвлеченную тему, как она с деланным ужасом во взоре полушепотом заявила:

– Слышал про Сашку Гавриленко?

– Нет, а что случилось? – вырвалось у меня с некоторой фальшью в голосе.

– Убили на днях! Дружки-уголовники подначивали его запчастями воровать и бензин сливать на станции техобслуживания автомобилей, а он ни в какую! В итоге застрелили прямо в подаренной отцом новой иномарке! Так и умер, обнимая руль! Хорошо хоть сидящую рядом девушку пули не задели! Странно, что тебе до сих пор никто не сообщил! Хотя неудивительно, ведь ты всегда был нелюдим, – закончила она свою далекую от реальности байку моей не особо лест-

ной характеристикой.

Однако мне было уже все равно. Наблюдая за живой мимикой ее притягательного личика, движением полноватых губ, огоньками на дне карих глаз, я вновь становился тем забитым школьником, лишь в сладких грезах мечтающим дружить с красоткой из параллельного класса и сгорающим от ревнивой зависти к своим более импозантным сверстникам, способным без особого замешательства обратить на себя внимание подобных девчонок. Вся генерируемая мной энергия, шедшая до этого мгновения на заложение фундамента нового мира, стала терять фокусировку, превращая в ментальный хлам и нагромождение абсурдных идей минуточку назад казавшиеся вершиной ясности и остроумия художественные наработки. Теперь я целиком и полностью сконцентрировался на Оксане, и учитывая постоянный приток магической силы из пяти миров, девушку мое внимание здорово зацепило. Мне доставляло жуткое удовольствие замечать, как ее поначалу надменный взгляд и снисходительная манера общения быстро сменяются искусно маскируемой, но легко мною считываемой, женской заинтересованностью с присущими только ей ужимками и экспрессией. Столь утонченное наслаждение в полной мере может оценить исключительно жалкий замухрышка, вечно игнорируемый противоположным полом, но никак не избалованный его вниманием альфа-самец.

– Ты стал совсем другим, – многозначительно произнесла

она, сверля меня глазами.

– В основном за последние несколько дней, – уточнил я ее вердикт.

Мои слова вызвали искреннее удивление Оксаны, что само по себе играло мне на руку, так как я прекрасно понимал – главное на первых порах завладеть ее вниманием, любым способом увлечь, а потом вступит в действие волшебная сила, воздействию которой противиться невозможно. Наверное, тогда и началось мое падение с Олимпа, ибо даже самый взбалмошный и своенравный Бог велик прежде всего своими творениями, на создание которых уходит часть его силы. Я же, отказавшись от конструирования большого мира новой книги, полностью отдался эгоистическому желанию овладеть объектом своего давнего вожделения и направил все доставшееся мне от прошлых творений могущество на достижение слишком приземленной цели.

Наше спонтанное общение длилось около десяти минут, после чего Оксана побежала в студенческую столовую, а я, выйдя из высоких дверей главного корпуса на свежий воздух, пообещал сам себе, что сделаю все возможное и невозможное ради удовлетворения вспыхнувшей страсти. Меня здорово заводил факт возможности наконец-то вкусить ароматный плод, висящий на слишком высокой для моего роста ветке.

Прежде всего я решил сконцентрировать высвободившуюся после развала не успевшего толком начаться проекта

большой книги энергию на своих гипнотических способностях, намереваясь с помощью внушения добиться исключительного к себе расположения объекта вожеления. Первые же опыты в этом направлении принесли без преувеличения ошеломительные результаты. Однажды я взял с полки алкомаркета бутылку вина стоимостью более тысячи рублей, подошел с ней к кассе, а после того, как сидящая за аппаратом женщина отсканировала товар, протянул ей сторублевую банкноту. Кассир как ни в чем не бывало приняла из моих рук мятую бумажку и даже отсчитала небольшую сдачу. В другой раз мне позвонил однокурсник для уточнения расписания занятий. Я мило с ним минуту поболтал, после чего поинтересовался, когда он собирается вернуть одолженную на выходные дни игровую приставку. Институтский приятель сначала замялся, а потом пообещал принести ее следующим же днем. По прошествии двух часов он перезвонил и с отчаяньем в дрожащем голосе сообщил, что не может вспомнить, куда подевалась эта чертова приставка и почему ему вообще понадобилось брать ее у меня. Не желая более играть на нервах ни в чем не повинного парня, я долго извинялся и постарался правдоподобно объяснить, что сам совсем запутался со своей игровой консолью, которая, как выяснилось, находится у другого моего знакомого. Конечно, никакой приставки у меня отродясь не водилось, однако я смог заставить переживать из-за нее другого человека даже без очного общения, чем оказался весьма удовлетворен. Были и

другие эксперименты, общая суть которых сводилась к моей непостижимой способности на некоторое время вкладывать в голову другим людям нужные мне мысли и, соответственно, принуждать их следовать определенным моделям поведения, подобно тому, как я наделял ими персонажей своих выдуманных историй.

Параллельно со своими магическими изысканиями я выяснил расписание занятий Оксаны и как-бы случайно пару раз сталкивался с ней в институтских корпусах. Кроме того, мне стало известно о парне-мажоре, иногда подкатывающим на своей двухместной спортивной машине к вузовским воротам и картинно увозящим ее после занятий в неизвестном направлении, рыча мощным двигателем и производя необходимый эффект на прочих студентов. Это открывшееся обстоятельство должно было лишить меня, неприметного первокурсника, всякой, даже призрачной надежды, однако я ощутил лишь бешеный азарт охотника, преследующего свою добычу вопреки возникающим препятствиям. К слову сказать, никаких серьезных чувств к Оксане я не испытывал хотя бы потому, что как человека ее совсем не знал. Но меня буквально завораживала внешность девушки, бесстыдно украшающая каждую мою эротическую фантазию еще со времен старших классов и постепенно превратившуюся в идею фикс. И если ранее я мог только мечтать о ней в сладких грезах, то с наполнением силой пяти славивших мое имя миров, объект обожания неожиданно стал хоть и трудной, но

вполне себе достижимой целью в реальной действительности. Меня, как и в случае с Сашком, жутко подстегивала сама возможность наконец-то исправить свою школьную ущербность, только на этот раз во взаимоотношениях с противоположным полом. Однако куда больше я желал испытать могущество своего новообретенного статуса в достижении конкретного и очень важного для самоуважения результата, отчего вся затея с Оксаной все чаще напоминала мне азартное предприятие с высокими ставками.

После окончания занятий первого учебного дня новой недели я окликнул ее на высоком крыльце вуза. Увидев знакомую со школы физиономию тихого паренька, чьи неожиданные появления в последнее время сделались постоянными, вырвавшаяся из духоты аудиторий девушка замерла на месте и приветливо улыбнулась.

– Давай пройдемся до остановки вместе, если, конечно, сегодня за тобой карета не подъедет, – робко предложил я, изображая всем своим видом юношескую застенчивость.

– Похоже, тачку моего Вадима весь институт уже знает, – с плохо скрываемым удовлетворением заявила она, словно услышала в свой адрес изысканный комплимент. – Что ж, пойдем, друг детства, раз настаиваешь. По понедельникам он весь в делах допоздна.

Мы неторопливо зашагали по устланному опавшими листьями асфальту извилистой улочки в направлении проспекта, обгоняемые спешащими домой студентами. Оксана вновь

завела свою любимую шарманку про бывших одноклассников, я же тем временем нарисовал в воображении ее пылкий образ, вспыхнувший неодолимым влечением, похотливым интересом, нездоровой тягой к моей скромной персоне и как-бы случайно коснулся своими пальцами теплой руки идущей рядом девушки. В сущности, я сделал яркий набросок одной из героинь моего так и не начатого романа, чьи штрихи уже были прорисованы заранее, после чего вспомнил о преклоняющихся передо мной созданиях из пяти миров и просто предоставил текущей от них силе творить свою магию.

Пройдя метров сто, мы поравнялись с остановкой, и тут Оксана вдруг стала в подробностях интересоваться, где я живу, с кем, что делаю на досуге, чем вообще дышу и есть ли у меня подруга. Причем ее звонкий голос теперь произносил слова, между которыми возникали многозначительные паузы, тихо и вкрадчиво, а блестящие, полные желания глаза и кокетливо улыбающиеся чувственные губы явно взывали к моей решимости сделать первый шаг.

– Приглашаю в гости! Отказ не приму даже по уважительной причине, – спокойно, но твердо произнес я в шутливо-приказном тоне. – Перекусим, чайку попьем, поболтаем вдоволь. А то учились в одной школе столько лет, стали студентами одного института, но до сих пор друг друга толком не знаем.

Вместо обычной в подобной ситуации уймы возражений и

отговорок, Оксана притворно озаботилась лишь тем, что может потревожить своим появлением мою маму, однако услышав разъяснения от меня по поводу ее позднего возвращения с работы, загадочно улыбнулась и подтвердила последующим красноречивым молчанием свое согласие.

Пока мы тряслись в автобусе, водитель которого лихо маневрировал и ускорял движение на каждом свободном от заборов отрезке маршрута, девушка несколько раз сбрасывала входящие звонки на своем телефоне, а когда нам наконец удалось добраться до моего дома, она быстро набрала и отправила коротенькое сообщение, после чего с раздражением сказала вслух:

– Задолбал своей ревностью, о каждом моем шаге хочет знать! Пришлось наврать, что задержалась на факультативных занятиях.

Я понял, о ком идет речь, но ничего говорить не стал, а вместо этого принес с кухни шоколадку, фрукты и водрузил на столик бутылку хорошего итальянского вина, приобретенную мной в алкомаркете менее чем за стольник.

– Чай отменяется, потому как истина в вине, а вино во мне! – вырвалась у меня плоская шутка, вызвавшая одобрительный хохот гости.

Все ее поведение, как и сам факт спонтанного визита по первому же приглашению в квартиру к достигающему половозрелости самцу, прослывшему невзрачным тихоней и оттого еще более коварному, уже свидетельствовали о са-

мом благосклонном ко мне расположении. Тем не менее для пущей раскованности я щедро разлил по бокалам вино и предложил выпить за «крепкую дружбу между мужчиной и женщиной, существовавшую во все времена вопреки злым языкам». Второй мой тост прозвучал более откровенно и был посвящен «красоте очаровательной гостьи, перед которой невозможно устоять». В третий раз наполнять бокалы не потребовалось, так как я, не имея за плечами алкогольного опыта, здорово захмелел, и сбросив безжизненную маску приличия, полез к такой же абсолютно раскрепощенной Оксане.

Признаться, навыков интимной близости у меня было даже меньше, чем алкогольных, а если совсем начистоту – они попросту отсутствовали. Однако люди по сути своей животные, которым мудрая Природа всегда поможет реализовать великодушно дарованные инстинкты, причем ей глубоко плевать, насколько процесс их реализации будет похож на растиражированные в книгах и фильмах эталонные образцы. Но я натура творческая, увлекающаяся, ценитель прекрасного, поэтому при первом же боевом крещении постарался превзойти сам себя.

Мой алчный, ненасытный поцелуй, которым я впился в орошенные терпким вином уста, оказался настолько протяжным, что гостья едва не задохнулась. Пока мы терзали друг друга губы и исследовали языками самые потаенные уголки, она впитывала в себя долго копившуюся страсть моего

юного организма, возведенную в куб постоянным притоком волшебной силы. К такому яростному напору, сопровождающемуся выбросами неведомой ей энергии, Оксана никак не была готова, поэтому вскоре сладострастно затрепетала всем телом, обвила мою шею руками и стала медленно падать спиной на накрытый пледом диван, увлекая меня за собой. Охваченный пожирающей страстью, я все-таки сохранял ощущение реальности, оказавшись неожиданным образом хозяином положения в нашем безумном слиянии губ и сплетении тел. Если с кардиганом мне удалось разобраться сразу, просто расстегнув пуговицы и максимально распахнув тонкую узорчатую кофточку, то плотно обтягивающие ее ноги джинсы стягивались тяжело, сопротивляясь и жалобно треща швами, хотя Оксана высоко задрала свои округлые бедра, стараясь подсобить моим усилиям. Когда же я в горячем раздражении наконец швырнул их на пол вслед за своими штанами, сводившая меня с ума долгое время недосягаемая девушка мечты, оказалась беззащитно распластанной подо мной в черном лифчике и светлых трусиках. Богатому воображению подобного контраста оказалось достаточно, чтобы я тут же представил ее гордую, довольную собой, немного надменную, проходящую мимо по школьному коридору в таком же белье под прозрачными блузкой и юбкой. Сейчас же она сама, истекая от желания, уперлась коленом одной своей стройной ноги в спинку дивана, а другую забросила мне на плечо, после чего я, чуть отодвинув паль-

цем узкую полоску трусов, медленно вошел в ее теплое лоно.

В самый разгар нашего соития, когда тихое постанывание Оксаны перешло в протяжное завывание мученицы, начал звонить ее лежащий на столике телефон. Поначалу я старался не обращать внимания на неуместное вторжение постороннего звука, но настойчивость вызывающего абонента, проявляющего маниакальное упорство несколько минут кряду все же меня достала. Прекратив свои ритмичные движения, я, протянув руку, взял смартфон и увидел на его экране имя ревнивого ухажера, появляющегося возле института на спортивной машине. Меня всегда бесили заносчивые типы, не упускающие шанс щегольнуть своим богатством, поэтому неудивительно, что из-за настырности звонившего мое терпение в конце концов лопнуло.

– Слушай, прояви свое упорство в каком-нибудь другом занятии! – приняв вызов, громогласно произнес я. – С тобой общаться не желают, неужели так трудно понять очевидную вещь!

– С кем я говорю?! Где Оксана?! – воскликнул он в явном недоумении.

– Не переживай, Вадик. У нее все хорошо, можно сказать, превосходно. Лежит рядом со мной, согретая, обласканная, зацелованная, счастливая.

Переварив услышанное, Вадим долго подбирал слова, оглашая, словно зайка, лишь отдельные их звуки, а когда собрался с мыслями, ядовитым полупшепотом начал сыпать

угрозами страшной расправы и клятвенными обещаниями достать меня из-под земли во что бы то ни стало. Устав от его сбивчивых фраз про сломанные ребра, выбитые зубы и чудеса поиска по геолокации, я уже собрался, сильно переоценивая свои возможности, растолковать, что стоит мне только по-настоящему захотеть, и он перестанет не только страшить, но и дышать, как Оксана сама ритмично задвигала бедрами, делая за меня мою работу и призывая закончить начатое. Прервав связь, я вновь окунулся с головой в омут животной страсти и, к своему стыду и разочарованию партнерши, очень скоро произвел финальный залп.

Некоторое время мы лежали бок о бок, вслушиваясь в наступившую тишину и ощущая, как постепенно унимается дрожь вспотевших тел. После поочередного посещения ванной комнаты, мне захотелось реабилитироваться в глазах прекрасной гостьи и я, изрядно хлебнув вина, ненавязчиво дал ей понять, что она делила ложе не абы с кем, а самым настоящим писателем. Мои слова возымели чрезвычайно слабый эффект, поэтому в их доказательство я открыл перед ней ноутбук, щелкнул по вкладке браузера, однако вместо звуковых файлов моих историй появилась белая, словно лист, страница с кладбищенской надписью: «Страница устарела, была удалена или не существовала вовсе». Меня будто током ударило. Отчаянные попытки войти на загадочный сайт аудиокниг сначала через историю посещений, а потом воскресить его сохраненную копию с помощью кэша поиско-

виков закончились моим полным фиаско. Совершенно позабыв обо всем на свете, я нервно стучал пальцами по клавиатуре, в сотый раз повторяя одни и те же операции и очнулся лишь тогда, когда уже одевшаяся Оксана громко попрощалась со мной из прихожей. Выбежав к ней, я принялся, брызгая слюной, горячо и в красках живописать собравшейся уходить гостье подробности произошедшего со мной за последнее время, совсем не заботясь, насколько правдоподобно звучат мои слова и можно ли будет после них считать меня полностью нормальным. Стараясь казаться убедительным, я напрочь потерял чувство самосохранения и в запале поведал ей, за что и как убивал Сашка Гавриленко, сопроводив признание известными одному мне деталями. По всей видимости, столь жуткая байка вконец окосевшего от вина старого школьного приятеля переполнила чашу терпения Оксаны, так как она, едва меня дослушав, без лишних слов распахнула входную дверь и направилась вызывать лифт.

– Ну и проваливай, курица тупая! – заорал я вслед девушке своей мечты, взбешенный исказившей ее лицо гримасой презрительного недоверия. – Скоро поймешь, над кем насмехаешься!

С силой захлопнув металлическую преграду на входе в квартиру, я вернулся в свою комнату, допил из горлышка остающиеся капли вина и еще какое-то время терзал ноутбук, пока не швырнул его на столик, осознав бессилие найти изменивший мою жизнь интернет-ресурс. Из-за конфуза с

Оксаной меня распирала злость на все и вся, хаотично ищущая выход в виде изощренной мести. И вскоре он был найден.

Рухнув на еще пахнувший испариной соития с нотками женского дезодоранта диван, я закрыл глаза, немного успокоился и принялся с бессмысленной жестокостью разрушать жизни главных героев созданных мною миров.

Родной город Гайя Гудьера в одну из ночей подвергся набегу неведомых злобных тварей, нечувствительных к его волшебной силе. Кровельщика пленили поутру прямо на пороге собственного дома, вымазали смолой, обваляли в гусиных перьях, после чего повезли в железной клетке по улицам для подавления воли к сопротивлению и устрашения надеющихся на него жителей.

Вышедший в море корабль Максимиана Лапласа напоролся на риф, вследствие чего команду судна охватила паника, переросшая в кровавую схватку за место в спасательных шлюпках. Пытавшийся образумить матросов капитан, извдал на себе их пудовые кулаки и под дикое улюлюканье казавшихся преданными людей был выброшен за борт на корм акулам.

После очередной вылазки Тита Хаггарда усадьбу знатного вельможи охватил пожар, в котором погибли реставрирующие ее каменщики и плотники, сам же деспотичный хозяин остался цел и невредим. Благородный разбойник потерял покой и сон, долго боролся с разъедавшим душу чувством

вины, но в итоге принял решение удавиться на возвышающемся возле лесной просеки старом дубе.

Аптекаря Гелиоса Пуассона арестовали по навету могущественного фармацевтического конкурента и обвинили в шарлатанстве, причинившем непоправимый ущерб здоровью его клиентам. Старый же скиталец Асконий Пирс проклял себя за то, что дожил до глубокой старости, так как не мог смириться с прогрессирующим слабоумием своего любимого внука.

После массовой расправы, я прибрался в комнате, проветрил ее, вымыл бокалы, выбросил пустую бутылку в мусоропровод и вскоре встречал пришедшую с работы маму. Однако вопреки усилиям вернуться в обычную размеренную колею на душе с каждым часом делалось все гаже, а наступившей ночью, на которую я возлагал спасительные надежды, меня и вовсе одолела подстегнувшая бессонницу мигрень.

Следующим днем мне ничего другого не оставалось, как пропустить занятия в институте. Я бревном лежал на диване, ощущая болезненную слабость во всем теле, лишь изредка предпринимая вылазки из своей комнаты в туалет. Ближе к обеду меня вырвала из тяжелой, вязкой полудремы монотонная мелодия дверного замка. Оказавшись в прихожей, я, против обыкновения, не стал смотреть в глазок, а сразу громко поинтересовался, кому и зачем понадобилось так долго и упорно названивать. В ответ взволнованный мужской голос назвал себя сантехником и убедительно попросил

разрешить ему срочно осмотреть трубы в туалете и ванной, так как соседей снизу буквально заливает, и вскоре вода затопит уже этаж под ними. Немного поколебавшись, я все же открыл дверь, как тут же ворвавшиеся сотрудники полиции вдавили мое лицо в стену, заломили за спину руки и защелкнули наручники на запястьях. Ну а что происходило дальше, вам известно не хуже меня.

Выкрашенные на две трети высоты зеленой масляной краской стены следственного кабинета сизо блестели в электрическом свете. Сидящий напротив Максима за бурым деревянным столом адвокат по назначению Борис Григорьевич устало потер переносицу указательным пальцем и размял затекшую шею вращательными движениями.

– Что ж, после вашего рассказа, Максим Сергеевич, я окончательно убедился в правильности выбранной линии защиты, – произнес он, косясь на тикающие у зарешеченного окна часы. – Только доказав вашу невменяемость, мы сможем избежать уголовного наказания по выдвинутым обвинениям в преднамеренном убийстве Александра Витальевича Гавриленко и изнасиловании Оксаны Евгеньевны Белых. Мне уже удалось добиться постановления о проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы, которая вас ожидает на следующей неделе.

– Только Оксанку я не насиловал. Все было по обоюдному согласию, – потухшим голосом пробурчал заметно сникший

после слов адвоката Максим.

– По материалам дела, гражданка Белых, вернувшись домой, объяснила не находящим себе места родителям в присутствии сожителя, что вы обманом заманили ее к себе в квартиру, чем-то опоили и, воспользовавшись беспомощностью, принудили к интимной близости, – равнодушно изрек Борис Григорьевич. – Она же рассказала вызванным сотрудникам полиции подробности убийства гражданина Гавриленко, которые узнала из ваших слов.

Никаких вопросов или просьб к пришедшему адвокату у Максима больше не было. Он прекрасно понимал, что реально помочь в сложившейся отчаянной ситуации ему может только сила большого нового мира, о котором он будет заботиться, словно родной отец. Благо бумага и ручка у него в камере имелись, а других инструментов для создания полной борьбы, тайн и страстей вселенной в помощь его богатому воображению и не требовалось.